

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
БЛАГОДАРНОСТИ	15
ГЛАВА 1. Краткий обзор книги	19
Расширяя горизонты	26
Графики, а не уравнения	27
ГЛАВА 2. Эволюционная теория модернизации	29
Краткий обзор	29
Классическая теория модернизации и эволюционная теория модернизации	30
Свидетельства значимости экзистенциальной безопасности	34
Рождение постматериализма в западных странах	36
Культурные изменения и трансформации всего общества	40
Познание и эмоции как источники изменения ценностей	42
Альтернативное объяснение: рациональный выбор	43
Быстрые и медленные культурные изменения	46
Основные гипотезы	48
ГЛАВА 3. Становление ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА ЗАПАДЕ И В МИРЕ	50
ГЛАВА 4. Глобальные культурные закономерности	63
Экономическое развитие и изменение ценностей	68
Устойчивость традиционных культур	70
Установки, связанные с модернизацией, стабильны и сравнимы на межстрановом уровне ..	79

Макрошкала Самовыражение / Индивидуализм /	
Автономия	80
Две основные шкалы изменений ценностей	88
Выводы	93
ГЛАВА 5. КОНЕЦ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ?	94
Секуляризация движется со скоростью	
межпоколенческого замещения населения	109
Конец секуляризации?	111
ГЛАВА 6. БЫСТРЫЕ И МЕДЛЕННЫЕ	
КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ТРАЕКТОРИИ НОРМ,	
УПРАВЛЯЮЩИХ ГЕНДЕРНЫМ РАВЕНСТВОМ	
И СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ	115
Краткий обзор главы	115
Теория и гипотезы	119
Культурная эволюция и сдвиг	
к нормам индивидуального выбора	120
Рост экзистенциальной безопасности	
и культурные изменения	122
Эволюционная теория модернизации	123
Гипотезы	125
Данные и методы	126
Эмпирический анализ и результаты	129
Выводы	144
ГЛАВА 7. ФЕМИНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА	
И СНИЖЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ ВОЕВАТЬ ЗА СТРАНУ:	
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДольГОГО МИРА	148
Введение: феминизация обществ	148
Теория	151
Методы, выборки, инструменты	155
Результаты	155
Лонгитюдные результаты	160
Выводы	162

ГЛАВА 8. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ	164
Экономическое развитие и демократия	166
Эффективная демократия	168
Роль ценностей самовыражения	171
Влияние ценностей самовыражения	176
Объясняя сдвиги к демократии и от демократии	178
Мобилизация социальная и когнитивная:	
изменчивость баланса политических навыков	186
Перераспределение и демократия	192
Выводы	195
ГЛАВА 9. ФЕМИНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА	
И СНИЖЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ ВОЕВАТЬ ЗА СТРАНУ:	
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДОЛГОГО МИРА	198
Обзор	198
Развитие, свобода и счастье:	
глобальная перспектива	199
Может ли измениться уровень счастья?	200
Теоретические основания:	
человеческое развитие и счастье	201
Увеличивает ли растущая свобода выбора	
уровень счастья и удовлетворенности жизнью?	
Анализ данных	205
Результаты	207
Взаимосвязь экономического развития	
и счастья в одной точке времени	208
Экономическое развитие и счастье	
в двух типах стран	211
Рост счастья и удовлетворенности жизнью:	
результаты анализа временных рядов	214
Почему эти тренды остались незамеченными?	218
Субъективное благополучие	
и социальный коллапс: случай России	221
Роль системы верования: Религия	
или свободный выбор как источник счастья	229

Принесит ли свобода выбора счастье? Анализ причин изменений уровня субъективного благополучия	232
Выводы	236
ГЛАВА 10. «Тихая революция» наоборот: возвышение Трампа и популистских авторитарных партий	240
Обзор	240
Введение	241
Культурный откат и возникновение ксенофобских популистских авторитарных партий	244
Почему ксенофобский авторитаризм сильнее сейчас, чем 30 лет назад?	249
Отличительные особенности отношения к иностранцам	257
Свой собственный могильщик: сдвиг от классовой политики к политике ценностей	259
Сокращение реальных доходов и рост неравенства	261
Кривая слона	266
Не смотри на кукловодов	269
Политическая мобилизация предопределяет рост и спад неравенства	270
ГЛАВА 11. Наступление общества искусственного интеллекта	273
Необходимость новой политической коалиции	286
Выводы	291
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Парадокс Истерлина	295
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	298
ПРИМЕЧАНИЯ	301
БИБЛИОГРАФИЯ	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся американский ученый, социолог Рональд Инглхарт представил свою новую работу, посвященную разработанной им эволюционной теории модернизации, основные положения которой проверяются на уникальной базе данных.

С 1981 г. проект Всемирное исследование ценностей (World Value Survey), руководимый Р. Инглхартом, а также Европейское исследование ценностей (European Value Study) совместными усилиями проводят опросы в более чем 100 странах мира, в которых проживает 90% населения земного шара. Собираемые данные, хотя может быть не слишком сложные по содержанию, тем не менее позволяют получить подтверждение для положений эволюционной теории модернизации. Новая работа Инглхарта выходит на русском языке даже немного раньше английского издания. По моему убеждению, она представляет особый интерес для ученых, читателей нашей страны.

Суть дела в следующем. Социально-экономическое развитие в разных странах идет по-разному, с разным успехом. Глобализация, происходящая в мире после Второй мировой войны, приводит к весьма интересным результатам. С одной стороны, потоки товаров и капиталов распространяются из многих стран, уже не только западных. Но можно сказать уверенно, что исходные их потоки шли с Запада, а теперь имеют и иные источники — Япония, Южная Корея, Китай, Индия. При этом успехи, достигаемые разными странами, весьма различны. Основные идеи Инглхарта состоят в том, что, во-первых, в странах, где наблюдаются наиболее благоприятные результаты, под влиянием развития современной экономики и сопровождающих его факторов повышения безопасности для жизни, происходят очень важные изменения ценностей. Они ведут к более терпимым отношениям к чужим и непохожим на нас людям, открытости новым идеям и более эгалитарным социальным нормам. Другие страны, в том числе под влиянием глобализации, тоже меняются, проходят процессы модернизации. Причем в понимании Инглхарта модернизация носит не только технологический,

но и социально-психологический характер. Во-вторых, в этих странах процессы модернизации зачастую крайне противоречивы. Исходный относительно низкий уровень экономической и физической безопасности, обусловленный во многом застаревшими традициями, с трудом поддается изменениям. Традиции и противостояние модернизации со стороны заинтересованных элит порой мешают этим странам развиваться. Положительные последствия глобализации дополняются серьезными конфликтами между странами и определенными кругами, которые снижают положительные стороны и вызывают негативные явления. В частности, Инглхарт отмечает в таких странах авторитаризм в управлении, ужесточение следования традиционным культурным нормам, нарастание ксенофобии. В итоге, модернизация идет медленнее, низкий уровень развития сохраняется во многих местах.

Сам Инглхарт воздерживается от глубоких оценок в отношении России, но я вижу свою задачу в том, чтобы подчеркнуть эти моменты.

Главный предмет, который изучает Инглхарт, это ценности. Он выделяет шкалы: «выживание» и «самовыражение», а также «традиции (религии) и секулярность с рационализмом». В каждой шкале счет идет снизу, от ценностей, характерных для большей бедности и традиционности к ценностям, складывающимся в Новое время. Уже аграрная экономика, преобладавшая в эпоху древности и Средневековья, все больше уступает торговле и промышленности. Для более точного обозначения этого перехода автор говорит о материалистических и постматериалистических ценностях. Из этой пары первые характерны для модернизации посредством индустриализации, а вторые — через новые знания и технологии. Хочу отметить, что 1973 год — условно качественная граница, определяемая масштабным повышением цен на нефть. Стоит договориться, что преобладание материалистических ценностей на этой границе заканчивается, и оно переходит к постматериалистическим. Одновременно стоит отметить, что в этом выразилось и влияние марксистских идей, которые объясняли развитие экономики динамикой производительных сил, производственных отношений и т.п., доказывая, что материалистическое понимание истории всегда будет связано с экономикой.

Мнение Инглхарта иное: наступает момент, когда ценности экономического роста и материального богатства в глазах людей начинают замещаться ценностями свободы, равенства, справедливости, терпимости, интересами помощи другим людям и странам. Это, собственно, и говорит о возобладании постматериалистических ценностей. Во всяком случае в наиболее развитых странах. Я бы сказал, что упомянутые выше шкалы говорят примерно об одном — о развитии экономики и культуры, прежде всего в этих странах, что приводит и к изменению значений тех или иных ценностей. Не всё про материальное богатство, но и про развитие науки, других областей знаний и искусств, притом что в основе лежит все же развитие экономики.

Инглхарт отмечает, что до рыночных реформ в России довольно успешно развивалась культура и связанные с ней ценности, но потом начались рыночные реформы, ухудшилось положение трудящихся и вновь материальные интересы вышли на первый план. Я всё же хотел бы отметить, что это ни в коем случае не говорит о новом этапе отставания России. Это только цена перехода, а рыночная экономика, изначально, прежде всего на Западе, была исторической основой потеснения выживания самовыражением, материалистических ценностей постматериалистическими. Те же тенденции я бы отметил и в динамике показателей других шкал Ш. Шварца — автономии и принадлежности (к группе), Г. Хофстеде — индивидуализма и коллективизма. Но у Шварца целый круг ценностей, которые даже не выстраиваются в набор шкал. Я заметил только особое значение ценности гармонии в китайской цивилизации, против которой можно поставить автономию как противовес в цивилизации европейской.

Ценности Г. Хофстеде также различны для разных цивилизаций, но они могут быть рассмотрены как шкалы:

1. *дистанция власти* — для европейских стран характерна короткая дистанция, для восточных — длинная. На Востоке отношения к начальникам гораздо более отдаленные, начальники малодоступны.
2. *индивидуализм* — по мнению Хофстеде, в профессиональной сфере не проявляется. Это скорее круг, но

все же противопоставление коллективизму, более характерному для отдаленных этапов развития и скорее отсталых обществ.

3. *маскулинность и феминность* — ценности, скорей всего, не связанные со временем развития культуры, хотя маскулинность особо ценна для этих постоянных военных противодействий, требовательных к физической силе, а сейчас гендерные различия для развития менее существенны.
4. *избегание неопределенности* — свойство (скорее не ценность как таковая) очень важное. Я бы сказал, что оно важно, скажем в иерархических системах, где так много зависит от вышестоящих лиц, но может быть весьма негативно в рыночных экономиках, где многое зависит от успеха в конкуренции.

Я более подробно остановился на Хофстеде, поскольку столкнулся с интересными исследованиями по его методике на российском материале. Я более подробно остановился на Хофстеде, поскольку столкнулся с интересными исследованиями по его методике на российском материале. *,** Посмотрим табл. 1.

Таблица 1. Показатели культурной специфики стран Запада и Востока (по Хофстеде)

Группы стран	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределенности
Запад	32	74	50	53
Восток	69	27	49	76
Россия	28	61	36	91

Источник. Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России... // Мир России. №1. 2017. С. 46.

* Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. 2010.

** *Латова Н. В.* Производственная культура рабочих современной России... // Мир России. №1. 2017. С. 36—63.

Обращаю внимание: по дистанции власти Россия близка к Западу, то же по индивидуализму, хотя и меньше (61 против 74, а на Востоке — 27). Отсюда вывод о близости России по культуре к Западу. Маскулинность пропускаем, хотя можно было бы зацепиться по России за склонность к феминизму. А вот избегание неопределенности у русских самое большое — 91 против 76 на Востоке и 53 на Западе. О чем это говорит? Я думаю, что не о различиях в культуре и ценностях, но скорее о более сложных событиях истории в XX в.

Отсюда можно сделать вывод: из всех рассмотренных шкал для сопоставления ценностей наиболее выразительна шкала Инглхарта. Она — самая простая — выживаемость и самовыражение. Еще в дополнение шкала традиционности и секулярности — рациональности, которые дополняют друг друга в одном наиболее важном отношении — уровне развития прогресса. К этому добавляются выводы относительно условий и преимуществ усвоения демократии: ясно, что демократия становится возможна на упомянутых шкалах в области сочетания самовыражения и рациональности. Тогда и достигаются условия для сочетания свободы и справедливости, а власть делается подконтрольной обществу.

Свободу, справедливость (или равенство) и власть я рассматриваю как высшие ценности в человеческой культуре. Согласование их достигается только в условиях демократии, при которой обеспечиваются и выгодные значения самовыражения. Не важно, что предложения Инглхарта самые простые, но зато они позволяют с наибольшим богатством использовать результаты наблюдений по большинству стран. Глубоко убежден, что для российского читателя предлагаемая книга представит очень большой интерес. Я остановился даже не на всех главах, но только наиболее важных на мой взгляд. Спасибо автору.

Е. Ясин

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга основана на ряде исследований, проведенных совместно с Полом Абрамсоном, Уэйном Бейкером, Кристианом Вельцелем, Рональдом Чарльзом Инглхартом, Пиппой Норрис, Кристофером Петерсоном, Эдуардом Понариным, Жаком Рабье и Роберто Фоа. Я глубоко признателен коллегам и друзьям за их вклад в эту работу и с удовольствием пользуюсь случаем и выражаю им свою признательность на страницах этой книги. Они, в сущности, стали ее соавторами.

Я также выражаю благодарность тем людям, без которых это книга не была бы написана, поскольку они проводили Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) в более чем ста странах мира с 1981 по 2014 г. Я благодарю ведущих исследователей WVS и EVS за то, что они создали и поделились этой богатой и комплексной базой данных; это: Энтони М. Адела, Сьюзан Адамс, К. К. Ахмад, Сальваторе Абрузесе, Абдель-Хамид Абдель-Латиф, Марчелла Абрашева, Мохаммен Аддахри, Алишер Алдашев, Дарвиш Абдулрахман Аль-Эмади, Фатхи Али, Абдулразак Али, Раса Алишаускене, Хельмут Анхайер, Хосе Аросена, Виль А. Арт, Су Янг Ау, Таджи Азадармаки, Лильяна Бачевич, Ольга Балакирева, Иосип Балобан, Дэвид Баркер, Мигель Басанез, Елена Башкирова, Абдалла Бедайда, Хорхе Бенитез, Жак Бийе, Алан Блэк, Эдуард Бомхофф, Аммар Букхедир, Рахма Буркийя, Фарес аль-Брайзат, Лори Брамурел-Джонс, Майкл Брин, Зива Бродер, Тавилвади Бурикул, Карин Буш, Гарольд Кабальерос, Мануэль Виллаверде, Ричард Бакиа/Бакиа-Каруана, Клаудио Кальварусо, Павел Кампеану, Августин Канцани, Джузеппе Капраро, Марита Карбальо, Андрес Касас, Энрике Карлос де О. де Кастро, Пи-Чао Чен, Прадип Чхиббер, Марк Ф. Чингоно, Хей-юан Чиу, Винсент Чуа, Маргит Кливленд, Мирцеа Комса, Мункит Дагер, Эндрю П. Дэвидсон, Херман Де Дейн, Рууд де Мур, Пьер Делуз, Питер Дж.Д.Дерент, Абдель Нассер Дьяби, Карел Доббелере, Херман Дюльмер, Хавьер Эльзо, Йилмаз Эсмер,

Пол Устген, Тони Фазй, Надьематул Файзах, Таир Фарадов, Роберто Стефан Фоа, Майкл Фогарти, Георгий Фотев, Луис де Франка, Айкатерини Гари, Илир Гедеша, Джеймс Георгас, Ч. Геппаарт, Билай Гилани, Марк Гилл, Степан Гредель, Ренцо Губерт, Линда Лус Герреро, Питер Гунделах, Дэвид Салмонт Хаак, Кристиан Хэрпфер, Абдельвахаб Бен Хафайед, Жак Хагенарс, Люк Халман, Мустафа Хамарне, Трейси Хэммонд, Санг-Цзинь Хан, Элемер Ханкисс, Оулавюр Харальдссон, Стивен Хардинг, Мари Харрис, Пьер Хаусман, Бернадетт С. Хейес, Гордон Хильд, Камило Эррера, Феликс Хойнкс, Вирджиния Ходжкинсон, Надра Мухаммед Хозен, Хоан Рафел Мико Ибанез, Кендзи Иидзима, Фр. Джоэ Ингануес, Любовь Ишимова, Вольфганг Ягодзинский, Мерил Джеймс, Александра Ясинска-Каня, Фридрих Йонссон, Доминик Джой, Станисловас Юкневичюс, Салю Каликова, Татьяна Карабчук, Кьеран Кеннеди, Ян Керкхофс, Дж.Ф.Килти, Джоан Кингхорн, Ханс-Дитер Клингеманн, Ренате Кочер, Йоанна Конечна, Хенни Котце, Ханспетер Криеси, Миори Куримура, Зузана Куса, Марта Лагос, Бернар Латеган, Мишель Легран, Карлос Лемуан, Ноа Левин-Эпштейн, Хуан Линц, Ола Листхауг, Цзинь Юнь Лю, Лейла Лотти, Рууд Лейкс, Сюзанна Лундасен, Бриана Малнар, Егине Манасян, Роберт Манчин, Махар Мангахас, Марио Маринов, Мира Мароди, Карлос Матеус, Роберт Мэттс, Иэн Макаллистер, Рафаэль Мендизабаль, Джон Миллер, Фелипе Миранда, Мансур Моаддель, Мустафа Мохаммед, Хосе Молина, Алехандро Морено, Гаспар К. Муниши, Наассон Муньяндамутса, Костас Милонас, Нил Невитт, Чун Хунг Нг, Симплисе Нгампу, Хуан Диез Николас, Хайме Медрано Николас, Элизабет Ноэль-Нойманн, Пиппа Норрис, Элоне Нвабузор, Стефан Олафссон, Франсиско Андрес Оризо, Магуэд Осман, Мераб Пачулия, Кристина Паэс, Алуа Панкхурст, Драгомир Пантич, Юхани Пеконен, Пол Перри, Э. Петерсен, Антоанела Петковска, Дору Петрути, Торлейф Петтерссон, Фам Минь Хак, Фам Тхань Нги, Тимоти Филлипс, Геворк Погосян, Эдуард Понарин, Люсьен Поп, Би Пуранен, Ладислав Рабушиц, Андрей Райчев, Элис Рамос, Ану Реало, Ян Рехак, Элен Риффо, Оле Риис, Анхель Ривера-Ортис, Нильс Ром,

Каталина Ромеро, Гергели Роста, Давид Ротман, Виктор Рудометоф, Джанкарио Ровати, Самир Абу Руман, Андрус Саар, Раджаб Саттаров, Рахмат Сеиг, Тан Эрн Сер, Сандип Шастри, Шен Мингминг, Муса Штейви, Рената Семенска, Мария Сильвестр Кабрера, Ричард Синнотт, Алан Смит, Жан Штотцель, Канчо Стойчев, Марин Стойчев, Джон Сударский, Эдвард Салливан, Марк Свенхедау, Тан Цзин-Пин, Фарук Танвир, Жан-Франсуа Черниа, Карим Теюмола, Ноэль Тиммс, Лариса Титаренко, Миклош Томка, Альфредо Торрес, Нико Тос, Иштван Дьердь Тот, Джозеф Тройси, Ту Су-хао, Клаудиу Туфис, Хорхе Вала, Андрей Вардомацкий, Дэвид Воас, Богдан Войку, Малина Войку, Лилиан Войе, Ричард М. Уокер, Алан Уэбстер, Фридрих Вельш, Кристиан Вельцель, Мейдам Вестер, Крис Уилан, Роберт Вустер, Сейко Ямазаки, Бироль Йесилада, Эфраим Юхтман-Яар, Жозефина Зайтер, Каталин Замфир, Бригита Зепа, Игнасио Зуаснабар и Пауль Цулленер.

Данные WVS и EVS, использованные в этой книге, включают 358 опросов, проведенных на протяжении шести волн исследования ценностей с 1981 по 2014 г. в 105 странах мира, в которых живет более 90% всего населения Земли. В этой книге также используются данные Евробарометра — опроса, запущенного в 1970 г. Жаком-Рене Рабье. Опросы Евробарометра послужили моделью для WVS и EVS, а также для ряда других международных исследований и были источником ключевых вопросов, использованных в исследованиях ценностей. Ян Керкхофс и Рууд де Мур организовали Европейское исследование ценностей и пригласили меня провести аналогичные опросы в других частях мира, что привело к возникновению Всемирного исследования ценностей. Джейми Диез Медрано архивировал базы данных обоих исследований, и WVS, и EVS, так что они стали доступны сотням тысяч пользователей, которые анализируют и скачивают данные с веб-сайтов этих проектов.

Я благодарен Джону Миллеру, Уильяму Циммерману, Артуру Лупии, Кеннету Коллману и другим коллегам из Мичиганского университета за их комментарии и советы. Также я хочу поблагодарить Анну Коттер и Юонга Янга за их незаменимую помощь и с благодарностью признаю поддержку

исследованию, которую оказал Национальный научный фонд Соединенных Штатов и министры иностранных дел Швеции и Нидерландов, которые поддержали сбор данных в ряде стран в различные волны Всемирного исследования ценностей. Также я хочу высказать свою признательность российскому Министерству образования и науки за грант, благодаря которому была создана Лаборатория сравнительных социальных исследований в Высшей школе экономики в Москве и Санкт-Петербурге, а также проведено Всемирное исследование ценностей в России и еще восьми постсоветских странах в 2011 г. Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100». Я также признателен Мичиганскому университету за профессиу имени Эми и Алана Левенштейн по демократии и правам человека, которая обеспечила меня бесценной исследовательской поддержкой на протяжении работы над этой книгой.

ГЛАВА 1. КРАТКИЙ ОБЗОР КНИГИ

Ценности и поведение человека во многом обусловлены тем, в какой степени его выживание гарантировано. На протяжении большей части истории существования человека выживание зависело от непредвиденных обстоятельств и определялось волей случая. Эта нестабильность определяла жизненные стратегии людей. Население росло до тех пор, пока всем хватало пищи, и большинство людей жили на грани голода. В таких условиях обеспечить выживание группы могли сильная внутrigрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильным лидерам. В условиях нехватки ресурсов ксенофобия имеет практический смысл: если земли достаточно только для одного племени, но на нее претендует и другое племя, то выживание буквально диктует выбор — или «мы», или «они». В таких условиях успешная стратегия выживания для племени — это сомкнуть ряды вокруг сильного лидера, сформировать единый фронт против чужаков: такой синдром можно назвать «авторитарным рефлексом». И наоборот, высокий уровень экзистенциальной безопасности открывает возможности для большей автономии индивида и открытости к разнообразию, изменениям и новым идеям.

Представление о том, что почтительное отношение к власти идет рука об руку с ксенофобией и другими формами нетерпимости, впервые сформулировано в классическом исследовании «Авторитарная личность»¹, где авторитаризм рассматривался как черта характера, формирующаяся под влиянием суровых практик воспитания детей. С самого начала понятие авторитаризма является предметом дискуссий², и его обсуждению посвящена огромная литература. Его первоначальная теоретическая основа и инструментарий, исходно применявшийся для его измерения, в целом заменены новыми, но на протяжении семи десятилетий множество исследований подтвердили наличие тесной связи авторитаризма с ксенофобией, нетерпимостью и подчинением групповым

нормам. Это может отражать глубоко укорененную реакцию людей на отсутствие безопасности. В недавнем обзоре большого массива данных, основанных на опросах, экспериментах и статистике, авторы пришли к выводу о существовании синдрома авторитарного расизма, политической и моральной нетерпимости, причиной которых служит врожденная предрасположенность к нетерпимости на фоне изменения уровня угроз в социуме³. Мои собственные исследования показывают, что уровень авторитаризма в данной возрастной когорте определяется уровнем экзистенциальной безопасности, сопутствовавшим их взрослению.

После Второй мировой войны в экономически развитых странах произошло нечто беспрецедентное: значительная часть послевоенного поколения выросла, считая выживание само собой разумеющимся. Это явление стало отражением следующих факторов:

1. Беспрецедентный экономический рост послевоенной эпохи в Западной Европе, Северной Америке, Японии и Австралии.
2. Возникновение государства всеобщего благосостояния, которое гарантировало, что почти никто не умрет от голода.
3. Отсутствие войн между важнейшими державами: самый продолжительный мирный период в истории начался после Второй мировой войны.

Беспрецедентный уровень экономической и физической безопасности привел к глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей; произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который, в свою очередь, стал частью еще более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Эти широкие культурные изменения связаны со сменой главных жизненных приоритетов: от экономической и физической безопасности и подчинения групповым нормам — к росту значимости индивидуальной свободы и возможности выбора жизненной стратегии. Ценности самовыражения

подчеркивают гендерное равенство, толерантность по отношению к аутгруппам и гомосексуалам, свободу выражения и участие индивида в принятии решений в экономической и политической сфере. Этот культурный сдвиг принес масштабные социальные и политические изменения, от политики охраны окружающей среды и антивоенных общественных движений до более высокого уровня гендерного равенства в правительстве, бизнесе и академической жизни, а также распространение демократии.

Значительные различия между культурами существовали задолго до того, как произошел сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Культурные различия можно объяснить, в частности, географическими различиями в уязвимости к болезням и голоду. Ученые, работающие в различных областях знания, описывали эти культурные различия в противопоставлении коллективизма и индивидуализма, ценностей выживания и самовыражения, автономии и встроенности; но все они связаны с общим диапазоном межкультурной вариации, который отражает различные уровни «экзистенциальной безопасности» — того, насколько гарантированным считается выживание. В течение послевоенных десятилетий растущая экзистенциальная безопасность позволила большинству стран мира продвинуться в сторону индивидуализма, автономии и самовыражения.

Страны, которые достигли высокого уровня по шкале ценностей самовыражения, с большей вероятностью, чем общества с преобладанием ценностей выживания, принимают законодательство, благоприятное для геев и лесбиянок. Они также чаще занимают высокие позиции по разработанному Организацией Объединенных Наций показателю расширения возможностей женщин (ПРВЖ), который учитывает, какую долю высоких позиций в политической, экономической и академической жизни общества занимают женщины. Данные опросов демонстрируют, что базовые нормы изменяются вот уже 50 лет, в то время как изменения на уровне всего общества в обоих случаях начались относительно недавно. Культурные изменения предшествовали институциональным изменениям и, видимо, способствовали им.

Высокий уровень экзистенциальной безопасности также благоприятствует секуляризации — систематической эрозии религиозных практик, ценностей и верований. За последние пятьдесят лет секуляризация распространилась среди населения практически всех развитых индустриальных стран. Тем не менее в мире в целом сегодня больше людей с традиционными религиозными взглядами, чем когда-либо прежде, поскольку секуляризация сильно и отрицательно сказывается на уровне рождаемости. Практически во всех наиболее секулярных странах рождаемость сегодня намного ниже уровня простого воспроизводства населения, в то время как в обществах с традиционными религиозными ориентациями рождаемость в два или три раза превосходит уровни воспроизводства. Массовые установки по отношению как к гендерному равенству, так и к гомосексуальности изменялись в два этапа. На первом этапе постепенно повышался уровень терпимости по отношению к геям и росла поддержка гендерного равенства, по мере того как старые поколения сменялись новыми. В конце концов общество достигло порога, после которого в странах с высоким доходом уже новые нормы стали рассматриваться как доминантные. Давление большинства сменило направление и поддержало те изменения, которым сопротивлялось ранее, что привело к намного более стремительным изменениям, нежели те, что были связаны со сменой поколений. К 2015 г. большинство судей Верховного Суда США поддерживали однополые браки: даже судьи старшего поколения хотели оказаться на «правильной» стороне истории. Эта «феминизация» культурных норм в развитых странах также обусловила сокращение уровня насилия и снижение желания воевать за свою страну. Более того, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения намного чаще являются настоящими демократиями, чем страны с низкой поддержкой этих ценностей. Но ведет ли распространение ценностей самовыражения к демократии или это демократия является причиной возникновения ценностей самовыражения? Причинно-следственная связь в данном механизме направлена в основном от ценностей самовыражения к демократии. Демократические институты

не являются необходимым условием возникновения ценностей самовыражения. В годы, предшествующие глобальной волне демократизации, наступившей около 1990 г., ценности самовыражения распространялись путём межпоколенческих изменений не только в западных демократиях, но и во многих авторитарных обществах. Поэтому неудивительно, что, как только угроза советского военного вмешательства миновала, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения быстро демократизировались.

Культурные изменения отражают перемены в стратегиях достижения счастья. В аграрных обществах с отсутствующим или слабым экономическим развитием и социальной мобильностью религия делает людей счастливее, снижая их ожидания от этой жизни и обещая, что они будут вознаграждены в жизни загробной. Но модернизация приносит экономическое развитие, демократизацию и рост социальной толерантности, которые способствуют счастью, поскольку дают людям возможность выбирать жизненные стратегии. Как следствие этого — хотя *внутри* большинства стран религиозные люди счастливее, чем нерелигиозные, — в модернизированных и секулярных странах люди в целом более счастливы, чем в менее модернизированных, но религиозных странах. Таким образом, хотя религия способствует счастью в условиях домодерных обществ, но как только становится возможным достижение высоких уровней экономического развития, современная стратегия достижения счастья становится более эффективным способом максимизации счастья, чем традиционная стратегия. Но *возможно ли* вообще повысить уровень человеческого счастья? До недавнего времени широко признавалось, что уровень счастья колеблется вокруг некоторых постоянных значений (возможно, обусловленных генетическими факторами), и таким образом, ни индивиды, ни общества не могут надолго увеличить свой уровень счастья. Данная книга демонстрирует, что это утверждение неверно. С 1981 по 2011 г. уровень счастья вырос в 52 обществах из 62, для которых были доступны временные ряды данных, а упал только в десяти из них; в течение этого же периода удовлетворенность жизнью выросла в 40 странах, а снизилась лишь

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru